

**Станислав
Хабаров**

С высоты птичьего полёта

Станислав Хабаров

С высоты птичьего полета

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2013

Хабаров С.

С высоты птичьего полета / С. Хабаров — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC», 2013

Книга рассказывает о коллективной работе над космическим проектом специалистов России и Франции. О начале рассекречивания советской космической отрасли. Первые шаги на пути объединения творческих и производственных усилий разных стран и их авангарда – технических специалистов. Проект полёта французского космонавта на советских корабле и станции с программой бортовых космических экспериментов совпал с началом перестройки. Этот период был сложным для российской космонавтики. В условиях недостаточности финансирования нужно было не растерять опыт и кадры. Но были и другие «внутренние» проблемы: изменились взгляды, понятия и подходы к решению внеземных задач. Не просто было решиться и на такой рискованный шаг, как выход француза в открытый космос с работой на внешней оболочке станции. От противопоставления и соперничества с зарубежными специалистами нужно было перейти к открытости делового сотрудничества и контактам.

© Хабаров С., 2013

© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2013

Содержание

Вместо введения	6
8 июня 1986 года	7
Первые впечатления	11
Без иллюзий	14
Парижское золотое кольцо	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Станислав Хабаров

С высоты птичьего полета

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Это рассказ о втором полёте французского космонавта на советской космической технике. В этом полёте французские инженеры решили испытать собственную конструкцию, изготовленную знаменитой французской фирмой «Аэропасиаль». Представляла она каркас рамочного устройства или антенны, распахивающихся в космосе. Такие крупногабаритные конструкции (КГК), значительно больших размеров, уже успешно раскрывались в открытом космосе на советских орбитальных станциях, однако французские специалисты решили испытать свою и прибыли на орбиту с собственной КГК, как «в Тулу со своим самоваром». И вот что из этого вышло...

Вместо введения

У машиностроителей особенный язык. Сплошными линиями изображаются на чертежах видимые контуры. Штриховыми рисуется невидимое. Штриховые и сами по себе – дань условности: штрихи – видимое, паузы – скрытое, но по ним нетрудно представить целое, как при быстром движении через щелистый забор. Штрихпунктирные линии – служебные и выполняют роль осевых и центровых.

Работая над совместным проектом, специалисты двух стран знали друг о друге не всё. Мы виделись изредка, появляясь то в новом составе, то в новом качестве. Наши взаимные представления напоминали как бы штриховую линию со штрихами встреч и промежутками пауз, но с обязательным присутствием центровой. На совместном пути были свои радости и огорчения, заботы и сомнения.

Стартовые окна были для всех как бы ответом задачника, к которому нужно прийти. Дано: две страны со своим укладом и опытом. Требовалось доказать, что усилия стран можно и целесообразно сложить. Такая мысль присутствовала в головах, хотя и не произносилась вслух. Были обычные заботы и сроки.

Многое переменилось в те дни. Подготовка второго полета французского космонавта (1986–1988) совпала с розовым этапом перестройки. Мы вступили в нее с одного берега жизни и вышли на изменившемся другом. Из засекреченной прежде организации попав во Францию, мы смотрели на всё буквально разинув рот. Очень многое, впрочем, мы вскоре встретили у себя, причем, как правило, неприглядное и в крайней форме.

«С высоты...» – дневниковые записи. Теперь в них многое хочется изменить. Легко стать мудрым задним числом. Но пусть все остается, как есть. Это заметки специалиста («специалист, как известно, подобен флюсу»). Объективную истину, возможно, ещё представят историки или литераторы. Здесь же всего лишь беглые впечатления, взгляд мимолетом, со стороны, с высоты птичьего полета.

8 июня 1986 года

Итак, летим. Почти по Гоголю: моторы ТУ «дружно и разом напрягли медные груди... и сам летишь, и всё летит...». Летим над Прибалтикой, морем, Европой. В ушах звучит почему-то голос Высоцкого: «...открыт закрытый порт Владивосток, Париж открыт, но мне туда не надо...».

Нет, надо. Именно туда, в Париж. Ведь этим рейсом летят в Париж участники работ по подготовке второго полёта советских и французских космонавтов.

Совсем недавно в круговерти текучки я с удивлением прочёл: «СССР – Франция: второй космический полет. В соответствии с договоренностью на высшем уровне, достигнутой во время официального визита во Францию Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, в президиуме Академии наук СССР 7 марта состоялось подписание протокола между советской и французской делегациями о подготовке к совместному пилотируемому полету. Вторую советско-французскую космическую экспедицию планируется провести в 1988 году на советском космическом корабле и орбитальной станции. Ученые обеих стран уже приступили к подготовке научной программы длительной экспедиции...».

Прочёл и вновь окунулся в водоворот крепко сцепленных событий. Готовился эксперимент «Маяк». Космонавты собирались выйти в открытый космос и там, снаружи, на внешней оболочке станции, развернуть сложенную конструкцию. Работы эти планировались еще в ноябре прошлого года. Сомнений в их проведении тогда не было. Особенно надежным выглядел командир. Он был постарше, внимательный, всё быстро схватывал, как вынести и установить снаружи станции «бочку» «Маяка», а потом выдвинуть из нее ажурную раздвижную ферму и, когда платформа с приборами удалится на пятнадцать метров, начать многообещающий небывалый эксперимент.

Но расчеты расчетами, а жизнь жизнью. Заболел командир. Патронажные врачи, оказавшись в фокусе внимания, профессионально мудрили, монопольно владели связью с бортом. Нам, готовившим сложный эксперимент, доставались лишь крохи сеансов связи.

Именно тогда к зданию ЦУПа¹ подкатила длинная машина Генерального конструктора. Машину вежливо встретили. Незнакомого высокого мужчину в блестящем немнущемся костюме проводили в зал управления и усадили за пульт руководителя полётом. Началась очередная зона радиосвязи.

Мы сидели неподалеку, ожидая возможности вклиниться в разговор, и невольно все слышали. Переговоры велись по особому закрытому каналу, которым изредка пользовались медики, обсуждая интимное с космонавтами.

– ... Послушайте, – говорил командиру незнакомый мужчина, – я вам обещаю, непосредственно сейчас и позже через виток боль уйдет... я буду думать о вас... я беру вашу боль на себя...

Деться нам было некуда, мы сидели и слушали. На Земле уверенно изрекал экстрасенс, а высоко в космосе, пролетая в эти минуты над страной, слушал, корчась от боли, командир. Облегчение не приходило.

И опять потянулось ожидание. Наконец, медики разрешили выход с непременным условием – командир останется в станции. За него выйдет Виктор Савиных из основного экипажа, не готовившийся к этому эксперименту. Потянулись дни подготовки. Мы обучали его по радио. Наступила последняя ночь. Завтра выход в открытый космос. И в эту последнюю ночь коман-

¹ ЦУП – Центр управления полетом.

дир вроде почувствовал себя так плохо, что выход в космос был отменен, затем последовал и досрочный спуск.

Эксперимент удалось выполнить только через полгода и уже с другим экипажем. Космонавты Леонид Кизим и Владимир Соловьев с помощью бортовой телекамеры показали «лестницу» в небо. Решетчато-стержневая конструкция удалялась от станции в темноту космоса, а рядом с нею фигурки в скафандрах смотрелись космическими зодчими «эфирных поселений» по Циолковскому.

Организм мой болезненно переносит атмосферу кондиционеров. И тогда, пребывая сутками в искусственном климате ЦУПа, я охрип, осип и совсем лишился голоса, что мешало радиопереговорам и давало пищу незлобному юмору космонавтов и цуповского персонала, потому что переговоры, как правило, транслируются на весь Центр.

Накануне важных событий две комнаты Центра играют определяющую роль: в одной, попросторнее, вершится стратегия долгосрочного планирования, в другой верстается детальный суточный план. В зале работали женщины. Одна из них, очень молодая, с пучком поднятых над красивой шеей волос особенно бросалась в глаза. Была она в ЦУПе кем-то вроде стажера, потому что вместе с эксплуатируемой станцией «Салют» летала уже в космосе станция «Мир» и в Центре готовились к новой работе.

Увы, человек лишен непосредственного ощущения времени. По сумме внешних примет мы с удивлением отмечаем, как много уже прошло, и милые девушки, ступившие в ЦУП со студенческой скамьи, были подобной приметой времени. Все то, что до недавнего времени казалось способностью выдающегося ума, особой собранности, обширных конкретных знаний, теперь оказалось в руках молодого специалиста – профессионала. Другим путь сюда был извилист. Они выходили из проектантов или телеметристов или летописцев бортовой документации. И вот профессия от студенческого порога ступила в ЦУП.

Была в этом самом стажере особая прелесть молодости, что горько волнует миную. Она по-особому звонила, входила с бумагами в руках, ждала подходящего момента вмешаться в разговор. Улыбка её, произвольное внимание с долей равнодушия, как будто она при всем при этом, и этажом выше, и смотрит на все с участием, но с высоты. Ну словом, то, что её выгодно отличало и что назвал бы я, не находя более точного слова, парижским шармом. Отчего парижским?

«Почти каждому просвещенному человеку, – писал Паустовский, – не лишенному воображения, жизнь готовит встречу с Парижем. Иногда эта встреча случается, иногда нет. Всё зависит от того, как кому повезет. Но даже если встреча не состоялась и человек умер, не повидав Парижа, то все равно он уже, наверное, побывал здесь в своем представлении или в своих снах хотя бы несколько раз».

А может и правда, в ней было что-то врожденное французское? Ведь жизнь посложней порой выдумок романиста, а у Булгакова в «Мастере и Маргарите» москвичка с Садового кольца оказалась внучкой французского короля.

Итак, джокондовская улыбка в подмосковном Центре управления полетами. (Хотя сравнение с Джокондой не красит. По словам Аполлинера, Джоконда стала общим местом в искусстве.) А может, она объявилась у нас зовом несбывшегося. У Грина, помните: «Мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов... Между тем время проходит, и мы плывем мимо высоких туманных берегов несбывшегося, толкуя о делах дня».

Как-то в разговоре с главным редактором телевизионного объединения «Экран» Леонидом Антоновичем Дмитриевым мы коснулись космической темы, и он сказал, что задумай он космический фильм, то показал бы работу «винтика», лучше «гаечки» (в последнее время достается в прессе этим «винтикам»), задействованной в управлении полетом, безвестной девушки, на хрупких плечах которой часть ноши полета, и как достается ей по делу, и как она готовит документы, и всю этапность их согласований и ответственность рекомендаций, и

ответы на вопросы, разбор кабастики телеметрии и связь с бортом. И так весь фильм. А в конце его камера поднимается, и видно, сколько их в зале управления «винтиков-гаечек», скрепляющих полет. Такою экранной фигурой по-моему могла стать Ирина Чебаевская (да пусть читатель простит мне это отступление).

Но вот эксперимент позади. В субботу в комнате долгосрочного планирования нет обычного столпотворения. Мне нужно было запланировать включение аппаратуры, установленной снаружи станции. Чтобы её включали и после моего отъезда, не нарушая сложного цикла включения, потому что раз нарушив его, можно было потерять всё. Включения мешали прочим работам, накладывались на сон космонавтов, что вызывало раздражение планирующих.

Суббота остается субботой. Лишних в этот день в Центре не было. Смена планирования работала при включенном телевизоре, только в сеансе связи переключаясь на служебный канал, и в тот момент, помнится, передавали концерт. Выступала детская «поп-группа» Раймонда Паулса. Все смотрели и улыбались. Веселила всех маленькая солистка четырех-пяти лет, певшая, потешно поворачиваясь, про дедушку и бабушку, которые «снова жених и невеста». И тут до меня окончательно дошло, что завтра я уже буду не здесь, а в Париже, впервые по-настоящему за границей, участвуя в работе, к которой я волей случая недавно был подключен, и захотелось чего-то необычного, по-французски остроумного, таинственного, как похождения «девицы и шевалье де Бомон» или мистификации Николая Бурбаки.

– Ирина, – сказал я дежурившей Чебаевской, – вы обязаны мне помочь.

Она сразу не поняла и, оставаясь в рамках привычной работы, ответила:

– Вы думаете, я по «Салюту», а я по «Миру». Смены «Мира» уже контролировали его полет. – Нет, я не это имел в виду.

Разговор наш был вовсе необязательный. Теперь, когда выход в открытый космос оказался позади, предстоящий выход в Европу хотелось украсить, как обставляют впервые полученную квартиру, и среди прочих «люстр и торшеров» оказался и этот разговор.

– Мы проведем телепатический сеанс Москва – Париж, возможно с Эйфелевой башни (я еще плохо разбирался в топонимике Парижа) или откуда-нибудь ещё.

И мы условились, что в понедельник, ровно в 12 по-московскому, когда Ирина будет собираться на смену в Центр, мы проведем «пятиминутку» Москва – Париж по мысленным каналам.

Но это завтра, а пока летим. Париж, оказывается, неподалеку, всего каких-то три с половиною часа полета. На свою родину – Дальний Восток я, например, лечу около десяти часов.

Накануне из ЦУПа я заскочил в московско-дзержинский универмаг и купил себе новый серый костюм. В моем представлении летом именно в таком виде я должен был появиться в Париже. В аэропорт мы явились как на подбор: в серых костюмах, рубашки с галстуками и только опытный «Рейнеке Фукс» – Володя Зиновьев был в тенниске по погоде, но мы-то знали, что в багаже его, в рыжем чемодане, летит с нами володин серый костюм.

Делегация наша неоправданно велика, ведь всё в ней есть, как положено. Возглавляет ее представитель Главкосмоса, в составе и руководство Интеркосмоса, и даже дочка заведующего отделом ЦК КПСС.

Соседи по креслу рассматривают карту Парижа. На ней, словно согласно идее Общевропейского дома, есть площадь Европы с улицами Вены, Рима, Мадрида, Лондона, Константинополя, Ленинграда, пересекаемая улицей Москвы. На северо-востоке Парижа имеется площадь Сталинграда, на юго-западе бульвар Сталинграда, по центру на север тянется Севастопольский бульвар. Приятно встретить на карте родные названия, но по какому поводу? В канадском городе Галифаксе мы прочитали «Севастополь» над входом в центральный сквер. Оказалось, здесь было кладбище, где захоронены канадцы, участвовавшие в осаде Севастополя в Крымской войне.

На карте рисованные изображения многих памятных мест. До этого я путешествовал по Парижу в воображении по плану, который подарил мне бортинженер первого советско-французского полета Александр Иванченков. На нем аккуратными красными крестиками отмечались места, где он побывал. Пантеон, Обсерватория, кладбище Монпарнас, институт Пастера, вокзал Сен-Лазар, Монмартр, Дом инвалидов, Клуни, ратуша, Пер-Лашез, Елисейский дворец, Сен-Жермен-де-Пре, арки Сен-Дени и Сен-Мартен, улица Жанны д'Арк. Вернувшись, он жалел, что не успел еще многое посмотреть. Официальные мероприятия отнимали массу времени.

С бортинженером первого советско-французского полета мы собирались написать о полете книгу. Я посчитал и придумал название «Миллион лье вокруг Земли», но все описанное мной – были аргументы и факты, не освещенные собственным присутствием и годившиеся, ну разве что, только на то, чтобы аранжировать непосредственный разговор.

Самолет идет на снижение. В иллюминаторах на виражах сначала общим, а потом и крупным планом идилическая картина: черепичные крыши среди разноцветных, напоенных краской полей. Чувствую себя лягушкой-путешественницей, до сих пор не покидавшей родимого болота и вдруг с высоты птичьего полёта увидевшей мир.

Первые впечатления

Автобус медленно втискивается (не подберешь иного слова) в узкую улочку Ожеро. Машины выстроились на ночь вдоль тротуара, оставив узкую проезжую полосу. Стоят они подозрительно близко, словно способны выехать боком. Потом мы не раз наблюдали парковку – «туда-сюда» и поражались терпению и сноровке водителей.

Автобус наш удивительный: дымчатого цвета, с перепадом по высоте; он не велик и не мал; с отлетающей в сторону дверью. Теперь он упорно втягивается в уличный коридор к малозаметному подъезду гостиницы «Лондр» – «Лондон».

Мы прилетели к вечеру. Прямо из самолета по коридору-хоботу мы угодили в цокольную часть аэропорта Шарль де Голль. Плоская лента металлического эскалатора нырнула в темный тоннель, и на огромных подвешенных как елочные игрушки шарах вспыхнули яркие рекламные картины. Что это? Изображения, казалось, проступают изнутри. Только обернувшись видишь лучи проекторов в шарах с обратной стороны, экранами для которых шары следующие. С такими несложными «новинками» мы позже встречались не раз, но эта была первая.

Затем, постепенно привыкая, ты всюду ждешь нового. Шершавые стены тоннеля выглядят декоративными. Я к ним доверчиво протянул руку и ободрал пальцы. Так и появился из тоннеля на свет, слизывая кровь. В аэропорту запомнилось ещё пересечение круглого внутреннего колодца по прозрачному пеналу – желобу. Рядом в подобных прозрачных желобах плоские металлические эскалаторы тянули в разные стороны прибывших и улетающих.

По дороге с аэродрома сначала недоумеваешь: где же Париж? По сторонам проносятся однообразные складские помещения, предприятия, парижские «черёмушки», и хотя в сравнении с нашими они способны дать сто очков вперед, но ты-то ждешь иного и несколько разочарован, но это только парижский рабочий вход.

И открываются улицы – каменное очарование, где индивидуален и красив каждый встреченный дом, но все они сливаются в потрясающий ансамбль, и нет слов. Парадные большие улицы, и улицы поменьше, и вот, наконец, наша маленькая Ожеро.

Оставив в номере вещи и наскоро ополоснув руки и лица, торопимся из гостиницы. Стеннело, горят фонари. Сворачиваем раз, ещё раз и вдруг – невероятно, но факт – перед самым нашим носом, всего-то в сотнях метров от нас, из-за высоких ближайших домов открылась светящаяся Эйфелева башня.

Идем вдоль газонов Марсова поля. В желтом свете фонарей гоняют мяч по траве молодые французские парни, а башня вся светится перед нами. Целых пять лет реставраторы готовили ей сверкающее вечернее платье. И вот с наступлением Нового, 1986 года зажегся новый наряд «пастушки облаков». Голосом Катрин Денёв – Марианны образца 86 года – разлетелись с башни поздравления на тридцати языках. И теперь вечерами башня – словно из раскаленного металла. Она выглядит так, словно успела чуть остыть, и через потемневший «налет» проступает её золотое сияние.

У ног-опор её основания – толпы туристов. Фотографируются чаще у памятника – бюста инженеру Эйфелю. Снизу, под башней, кажется, что она всеобъемлюща и охватывает тебя. Ввысь по наклонным плоскостям, словно в иное измерение, уносятся желтые лифты. Они увозят не только туристов. Башня, увы, бьет рекорды по количеству самоубийц, но чтобы отправиться вверх, нужно оплатить последний проезд.

Говоря техническим языком, башня – КГК, крупногабаритная конструкция, но прошлого века. Видовая площадка «Салютов» и станции «Мир» в тысячу раз выше. Люди селили богов на небе, полагая, что их неземное положение само по себе уже сулит им бездну могущества. Наступило время реальных внеземных сооружений, и мы по этому поводу здесь, и не с пустыми руками, а с опытом сооружения надоблачных конструкций.

С далеких времен человечество утверждало себя крупными сооружениями. Мегалиты и кромлехи, пирамиды и зиккураты, знаменитые семь чудес света, современные высотные дома Манхэттена и Дефанса, а теперь космические КГК.

Через Сену идем по другому наземному крупногабаритному сооружению – Иенскому мосту. Мосты близки космическим конструкциям, особенно висячие, и мостик, сплетенный из лиан в джунглях Берега Слоновой Кости или подвешенный в ущелье Катманду, пожалуй, их более близкий родственник, чем самые современные конструкции из стали и стекла.

Перед нами Триумфальная арка. Сюда, на бывшую площадь Звезды, выходит дюжина улиц: сверкающие Елисейские поля и темноватое авеню Фоша. Везет нам на французских военных. Наш «Лондон» на улице Ожеро, в другие приезды нас будут селить на улице Камбронна, а от посольства вблизи Булонского леса мы будем ходить пешком по улице Фердинанда Фоша.

Чем объяснить любовь французов к военным? Тихая мирная Ожеро. Её называли в честь Пьера Франсуа Шарля Ожеро, прошедшего путь от сына лакея до маршала Франции. В отечественных энциклопедических справочниках в его биографии присутствует компрометирующая черта – «выделялся своим стяжательством и грабежом оккупированных областей».

Генерал Пьер Камбронн при Ватерлоо командовал гвардией. Считалось, что ему принадлежат крылатые слова: «гвардия умирает, но не сдаётся». Правда, Новый (начала нашего века) энциклопедический словарь под редакцией почетного академика К. К. Арсеньева лишил Камбронна авторства знаменитого изречения.

Маршал Фош отличился в первую мировую войну, но запятнал себя организацией интервенции в молодую Советскую Россию. В Париже много памятников военным, воплотивших мемориальную любовь к своим защитникам и завоевателям.

Венки у вечного огня. В реестре наполеоновских побед на стенах триумфальной арки – наши родные города. У Александра Безыменского есть стихотворение, написанное в военном 1944 году:

Я брал Париж. И в этом нету чуда!
Его твердыни были мне сданы.
Я брал Париж издалека. Отсюда.
На всех фронтах родной моей страны...

Оккупация Франции во вторую мировую войну завершилась в несколько дней. По настоянию Гитлера подписание акта капитуляции состоялось в музейном белом салон-вагоне, том самом, в котором в девятнадцатом году маршал Фош диктовал условия перемирия побежденной Германии. В нем в 1940 году Кейтель подписывал акт о безоговорочной капитуляции Франции, а пять лет спустя ему пришлось ещё раз подписывать безоговорочную капитуляцию, уже свою. Оккупанты прошли в Париже под Триумфальной аркой, и Гитлер, помахивая снятой лайковой перчаткой, не удержался пройтись Елисейскими полями.

Тех, кто ушел, никем не заменили,
А тех, кто пал, ничем не воскресить!
Так, не пройдя по Франции ни мили,
Я проложил дорогу на Париж.
Я отворял парижские заставы
В боях за Днепр, за Яссы, Измаил.
Я в Монпарнас вторгся у Митавы,
Я в Пантеон из Жешува входил...

Можно ли верить в возмездие? По закону исторической справедливости три фашистские дивизии, захватившие Париж, были разбиты затем под стенами Сталинграда.

Движемся Елисейскими полями. Только причем здесь поля? Разве что памятником бережного отношения к названиям. Так называли рошу, через которую проложили затем авеню, ставшую центральным проспектом города. Трудно сознанию, зачому в сумерках энергетического кризиса, представить зрелище огненной реки, электрического фейерверка с шедеврами рисующего света. Даже одной витрины с набором дежурной необыкновенной красоты казалось достаточно, чтобы поразить воображение. Но их здесь – не одна, а сплошной сверкающий ряд.

Поток машин. Знаменитые рестораны и кафе, иногда с партером наружных кресел. Мраморные столики порой теснят по-воскресному праздничный поток. У кинотеатра «Триумф» небольшая очередь. Но не у касс. У них свободно, там, получая билеты, расплачивается единственный человек. Остальные ждут в стороне, у встроенных в тротуар перил. Тут и там продавцы-арабы стучат о тротуар надутыми разрисованными пластиковыми «шарами» – бревнами. Удар и бревно взмывает над головами прохожих на высоту в несколько этажей. Контрастно с бездумно гуляющей толпой выглядят полицейские. Они по виду – при деле и вооружены до зубов: выпирают из кобуры огромные револьверы, а за спиной и в руках расчехленные винтовки и автоматы.

Ослепительный отрезок Полей сравнительно невелик. Мы идем их продолжением, тихим, обсаженным деревьями, и затем по мосту Александра III пытаемся замкнуть кольцо. Этот мост, носящий имя русского царя, самый разукрашенный, хотя сам царь неприметен в отечественной истории. Правитель – деспот, правитель-реакционер, но в его царствование был заключен русско-французский союз.

Стосемиметровый одноарочный мост обильно украшен фигурами. Несимметричными ледяными глыбами выплывают из-под него прогулочные корабли. Прозрачный стеклянный верх позволяет любоваться окрест в любую погоду. Рядами встроенные в борта прожекторы освещают ночные дома. До и после корабля они в темноте, но там, где движется светящийся прогулочный айсберг, дома рельефней, чем днём. Остается только посочувствовать обитателям парижских набережных.

Наш район тих и готовится к рабочему дню. Окна моего номера смотрят на улицу. Подхожу к окну: на противоположной стороне в окне вижу распластавшегося в кресле упившегося или уколовшегося человека. Включаю телевизор. Попеременно смотрю то концерт, то футбол. Затем, так и не найдя обычной подушки, подкладываю под голову длинный валик и, разметавшись на широкой двуспальной постели, занимающей две трети комнаты, проваливаюсь в сон.

Без иллюзий

С утра пораньше выходим на тихую Ожеро. Спешат ранние прохожие, вытянув палку-поводырь, идет слепая девушка. Негры-уборщики в ярких зеленых комбинезонах с красными поясами моют тротуар. Убирать его удобно. Он сделан с наклоном. Вода из шланга от мини-цистерны, ползущей по тротуару, стекает в канавку проезжей части и дальше в уличный сток. У подъездов сигналият красными крышками полиэтиленовые мусорные контейнеры на колесах. Все, что не вместились, упаковано в пластиковые мешки и коробки. Подходит машина-уборщик, мусор проглочен. К магазинам подъезжают фургоны, встроенные подъемники опускают контейнеры на колесиках. Они касаются тротуара и легко катятся вовнутрь.

Семь часов, а многие магазины открыты: булочные, овощные, продовольственные. Вдоль тротуара на выносных лотках расставляют цветы. О цветах разговор особый. Удивляешься их красоте. Идем вдоль газонов, причудливо стриженных кустарников, клумб, и, словно в сказке об аленьком цветочке, никто с цветами здесь не возится, не поливает, не стрижет, а между тем все ухожено и замечательно выглядит.

По тротуару движемся осторожно – не угодить бы в собачий кал. Дворов здесь, кажется, нет. Собак выгуливают по тротуарам. Собаки разные, ведут себя чинно. Сторонимся на всякий случай. Ведь голова набита прочитанным: «на 55 миллионов французов приходится 9 миллионов собак. Ежегодно около полумиллиона французов покусано их четырехногими друзьями».

Солнце едва задело верхушки крыш. Утро – не время иллюзий, да и откуда им быть в наш просвещенный век? Крыши, крыши, над ними голая Эйфелева башня. Впрочем, и вовсе не Эйфелева, ведь настоящая фамилия Эйфеля – Боникхаузен.

По утверждению справочника Мурра и швейцарской газеты «Конструир», автор проекта башни – Морис Кехлен из Цюриха, а Александр Гюстав Эйфель – его шеф, как теперь принято говорить – представитель административно-командного аппарата.

Кехлен подчинялся Эйфелю и возглавлял в эйфелевом Обществе металлических конструкций проектное бюро. Он предложил построить высотную радиомачту и подготовил эскиз её, расчеты, чертежи. Сначала Эйфель отнесся к проекту холодно. Однако проект был отправлен на очередную выставку декоративного искусства с его подписью как руководителя Общества. Проект привлек всеобщее внимание. Но строительство башни оспаривалось. Петицию о запрете «варварского сооружения» подписали триста видных деятелей Франции. Среди них Гуно, Мопассан, Дюма-сын.

Согласились башню воздвигнуть временно. 31 марта 1889 года руководителем Общества металлических конструкций А.-Г. Эйфелем (таким был его псевдоним) был поднят национальный флаг на трехсотметровой макушке башни Всемирной выставки.

Башня стала самым притягательным сооружением выставки. Плата за её смотровые площадки вскоре компенсировала расходы на строительство. Её не решились сносить. Она обесмертила имя Эйфеля, сделалась символом Парижа, а настоящий автор, «её отец», был забыт. Кехлен на 23 года пережил своего нещепетильного патрона и умер в неизвестности в 1946 году. Впрочем, как утверждал Наполеон, «выиграл сражение не тот, кто дал хороший совет, а тот, кто взял на себя ответственность за его выполнение и приказал выполнить».

Башня стала символом. У подножия ее начинаются многие манифестации – прогрессивные, умеренные, самые реакционные. Недавно здесь промаршировали муниты – агенты Ассоциации за унификацию мирового христианства.

Перед приездом Горбачева в Париж (того самого первого официального в западные страны, «...чтобы снимать наслоения предыдущих лет...»), как утверждает журнал «Нувель обсерватор», муниты зафрахтовали дирижабль для сбрасывания листовок. Около миллиона

долларов было истрчено сектой Муна на срыв встречи в верхах. Однако встреча прошла успешно, и наш совместный космический проект – один из её плодов.

Направляемся к Сене. Это от нас недалеко. Справа Дом инвалидов. По-французски название для нас странновато – Отель Инвалидов. Отель для одного. В саркофаге из цельного красного карельского мрамора (а французы едят – из финского) покоится прах Наполеона.

Подходим к Сене. Через Сену в пределах Парижа перекинута более тридцати мостов. Самый старый из них Пон Неф – Новый мост, построенный ещё при Генрихе IV. А действительно новый – Александра III заложен в 1896 году, во время пребывания в Париже Николая II. Он очень наряден. Идём по нему, разглядывая множество позеленевших фигур. Столбами опорами он чуточку родственен нашему Крымскому мосту.

Ну как не вспомнить здесь ВГИКовский маленький просмотрный зал, где мы познакомились с «Атлантой» Жана Виго. Именно в нём наряду с героями, на равных участвовали и парижские мосты. Да, фильмы не раз и не два водили нас на свидание с Парижем. И с Эйфелевой башней в «Париж уснул», в «Воображаемом путешествии» с химерами Нотр-Дама. «Большая прогулка» подарила нам Париж с высоты птичьего полёта. Так и тянет добавить к ним клеровский «Под крышами Парижа». Но нельзя, у Клера – павильонный фильм. И если из всех выбирать, то самое сильное впечатление оставили у меня мосты Виго.

Спешим к себе, на нашу скромную Ожеро. Восемь французских букв передают её название и всего пять – русских.

Нас ждет красивый автобус. Начинается первый рабочий день. Заезжаем за медицинской группой. Она разместилась неподалеку, в маленькой гостинице «Божанси». Автобус въезжает в узенькую рю Дувивьер. И здесь слева и справа, залезая колесами на тротуар, выстроились ряды по-французски кургузых автомобильчиков.

Выделяется крошка «остин», имеющий старомодно-элегантный вид.

Владельцы спешат, выводя автомашины из ночных шеренг. На бульварах машины выстроились в три ряда.

У богатых собственные гаражи и въезд. Суют специальную магнитную карточку в щель у ворот или подмигивают фонарем фотоэлементу и «сим-сим» – автомат распахивает створки ворот или уносит их в сторону.

По утрам синеглазые полицейские, обычно женщины в синих форменных платьях и авантажных шляпках, которые у нас отличили бы самых смелых модниц, подкладывают под дворники машин квитанции. Что это: штраф, предупреждение или установленная за парковку на улицах плата? Не знаю. Дворники некоторых машин прижимают вороха бумаг.

Пересекли Сену. Шофер-югослав везет нас в центр исторического Парижа. Здесь, рядом с Лувром, на плато Бобур, где столь недавно красовались павильончики центрального рынка – «чрева Парижа», разместилось здание КНЕСА – Национального центра космических исследований Франции.

«Поднимайтесь на третий французский этаж», – отправляли нас в лифтах француженки-переводчицы, что означало четвертый, потому что первый, как правило, вспомогательный, нулевой. У улиц это этаж магазинов и магазинчиков, парикмахерских, ресторанчиков, угловых и выступающих стеклянными кристаллами brasserie, ведущих родословную от пивной. Над ними на жестком парусиновом тенте желтым по красному написано название, а иногда и кухня – японская, антильская, вьетнамская или, как называют у нас, «дары моря», а у французов «фрукты моря» – «Фрюи де мер».

– Вы привезли нам солнечную погоду, – сказал, открывая встречу, заместитель директора КНЕСА Даниель Саккот. – В Париже до этого стояла довольно-таки серенькая погода. Теперь же вы видите небесную голубизну.

Так и пойдет в дальнейшем: при встрече первые официальные слова с французской стороны, как правило, о погоде.

– Нам кажется, этот проект внесет голубой период в наши отношения.

Саккот – руководитель прошлого проекта. В короткой речи он пожелал успешного старта новой программе, доверия ее участникам.

Выступает мадам Тулуз. Ей поручено руководство проекта с французской стороны. Она невысока, худа, у нее иссиня-чёрные волосы и острые черты лица, одета в свободное платье и говорит только по делу.

– ...Мы постарались представить все данные для обсуждения постановки наших модулей... обсудить технический календарь... мы просим довериться нам...

Интересное дело, в зале в основном мужчины, а руководитель проекта хрупкая женщина, и её хочется поддержать и защитить. В другом совместном проекте «Вега» по изучению планеты Галлея техническим руководителем с французской стороны опять-таки была женщина – Озет Рюнаво из Тулузы. «Очаровательная женщина, – писали наши газеты, – высококвалифицированный инженер, мать троих детей...».

Мадам Тулуз сообщает график предстоящих работ: разбиваемся на группы и тут же, в КНЕСе начинаем обсуждение.

В жизни я – невнимателен, но здесь меня не покидает странное ощущение. Оно, должно быть, связано с видом мадам Тулуз. «Господи, да она беременна. Ничего себе, хорошенькая история».

Слушаю. Совместный проект называют дальше «новым приключением». Французы вообще падки на приключения, во все концы света толкает их любознательность и исследовательский зуд: в глубины Атлантики, в трюмы лайнера «Титаника», в бразильскую сельву на дирижабле, с которого они спускаются в недоступные места. И вот теперь «приключение в космосе», новая афера, потому что по-французски дело и афера – одно и то же слово.

«Ай-яй-яй», – я вспоминаю, что пропустил телепатический сеанс. С запозданием в четверть часа посылаю условленную телепатограмму. Верю ли в мысленные контакты? И да, и нет. Всю жизнь живешь в ожидании хоть какого-нибудь чуда, но в нашей жизни чудес не бывает.

В перерыве кофе и соки прямо в вестибюле КНЕСа. Мимо идут неторопящиеся сотрудники. Прошел, улыбнувшись, академик Лионс, математик, недавно избранный президентом КНЕСа.

Расходимся по комнатам. Кто-то сказал: в такую жару в костюмах и галстуках в Париже – русские или американцы. И верно, мы в костюмах, а французы в кофтах и курточках. Разговор продолжается в большой комнате, уставленной голыми «лабораторными» столами. Основными «забойщиками» с французской стороны выступают Лабарт и Мамод. Выражаясь языком проектной документации, они подобны по габаритам – невысокие, крепкие, спортивноустойчивые. Мы узнаем позже, что Лабарт и вправду спортсмен. Левый крайний и президент футбольного местного клуба.

Темноволосый и темнокожий, с курчавой бородой, Мамод – выходец из Мадагаскара. С живыми, яркими, искрящимися глазами, с энергией, скрытно присутствующей, он отличается от Лабарта. Тот дипломат. По происхождению из Прованса, по месту рождения – парижанин, он сдержан, приветлив, не унывает; готовый высмеять всё, в работе он весь внимание, хотя ирония постоянно присутствует в уголках его глаз и губ. Одет он извечно в излюбленные кофточки, и хотя рубашки – разные, на них обязательно присутствует крокодил. На синей курточке серый крокодил с поджатым хвостом и широко разинутой алой пастью, на серой кофточке и на рубашках – зелёные. Торговый знак престижной фирмы «Лакоста» присутствует у Лабарта на всём.

Потом шутили, что Лабартом скуплены все крокодилы Старого света, называли его повелителем крокодилов. Но все это будет потом. Пока же Лабарт и Мамод поступают на редкость

одинаково – достав большие тетради в клетку, они начинают вписывать в них буквально всё с видом прилежных учеников. Любой вопрос заносится сначала в тетрадь аккуратным почерком. И как не шутили мы, называя тетради «талмудами», полным собранием сочинений, интересуясь: «а это который том?», как не спешили порой, ими в этих тетрадях каллиграфически фиксировался каждый вопрос.

В сеансах связи с космической станцией бывают моменты, когда все, что не говорится, сопровождается эхом, и это мешает с непривычки. В разговоре через переводчика получается нечто похожее. Не всегда веришь, что тебя поймут, и тянет на повторы. Хуже, если по ходу дела переводчик редактирует тебя. Иногда он ценит в себе специалиста и пробует разобраться и этим тормозит разговор.

Вначале бывало и так. Мы буксовали на ровном месте. Читался согласованный текст, но предлагались варианты. На русском и французском убедительней свои выражения, буквальный перевод порой настораживает, а отступления от текста могут вызвать разночтения. На первых порах поиски выражений отнимали немало времени. Его-то как раз хронически не хватало во время коротких встреч. Но это прошло, появилось доверие, вызволяющее из словесных ухабов.

Обсуждается французская КГК, космическая крупногабаритная конструкция. Последнее время подобные сооружения занимают умы космических конструкторов. Каково их предназначение? Различное. Они способны стать основой будущих станций – силовой конструкцией, каркасом крупных рефлекторов и антенн, платформой средств военного базирования, словом, нести и добро, и зло.

По первоначальному замыслу французская конструкция – каркас космической антенны. Она из легких углепластиковых стержней, сначала компактно уложенных в метровую вязанку и раскрывающуюся в открытом космосе на внешней оболочке станции. Для этого космонавты в скафандрах должны вынести её и установить. По сигналу из станции она раскроется. А датчики и телекамеры, установленные вблизи её, проведут необходимые измерения. Затем конструкция отделится и удалится от станции.

Эксперимент с выходом в открытый космос французского космонавта звучит по-русски чудно: Ева – Extra Veniculaire Activity, что в переводе с английского означает – внекорабельная деятельность. Документация, обучение и переговоры в полете будут вестись на русском и потому уместней русские названия, которые трудно было бы спутать в радиопереговорах в полёте.

Я предлагаю название «ЭРА» – элемент раскрывающейся антенны. Звучит несколько самонадеянно. По-французски произношение похожее – эр. Французы соглашаются, в их устах русское название звучит на французский манер – «ЭРА'».

Позже они попросят нас называть их конструкцию не антенной, а просто раскрывающейся конструкцией, вкладывая в это выражение пока непонятный нам смысл. Но это будет потом, а пока... мы обсуждаем технические проблемы механического сочленения со станцией – куда и на что, например, установить антенну? Разве что на внешние поручни станции, обеспечив необходимый механический интерфейс. Обсуждаем и электрический интерфейс – контакт. А в голове еще один, необходимейший – психологический интерфейс, который пока только нащупывается и без которого, наверняка, у нас ничего не получится.

Нам нужно учиться работать вместе, наладить деловой контакт. Слово «деловой», правда, сегодня звучит иронически. «Деловой» – человек-функционер, олицетворяющий корыстную практичность. Но ведь и этой работой преследуются корыстные цели. Чего бы хотели от нас французы? Не только выполнить определенный эксперимент, но и приобрести опыт оценки медицинского состояния космонавтов и навыки их работы, в том числе и при выходе в открытый космос.

Чего хотели бы мы? Мы уже раскрывали подобные конструкции, но работа с французской стороной для нас опыт международного сотрудничества в создании КГК. Такие проекты

состоят из множества конкретных шагов, и на каждом из них возможны свои остроумные решения. Многие передовые технические идеи обязаны гению французской земли, но еще важнее контакт двух стран на пути мирного освоения космоса, который пойдет через нас – технических представителей. И хорошо, что в разговоре чаще звучат русское «идёт» и «годится» или французские «са ва» и «дакор».

Парижское золотое кольцо

– Походите вокруг КНЕСа. Любопытное место, – посоветовал нам заместитель директора тулузского отделения КНЕСа Жак Бретон.

В перерыве мы воспользовались его советом. Если встать на ступени здания КНЕСа, в «фокусе» его стеклянной витрины, за которой «Ариан», «Ариан», «Ариан» и фото с космической высоты, то перед вами откроется плато Бобур.

Ещё недавно здесь размещался центральный рынок – «чрево Парижа», а теперь здесь сквер, металлические «ярмарочные» сооружения и входы под землю. Эскалаторы понесут вас в многоэтажный «город троглодитов» – торговый центр и царство воды с бассейнами и океанариумом.

Эскалаторы сначала доставят вас на мраморную площадь с высоким потолком. Здесь в особые дни – Дни музыки – гремят оркестры, а зрители располагаются на разной высоте «амфитеатра» лестницы. От площади разбегаются торговые ряды. Чего только нет за их витринами.

– Я не могу придумать ничего нового, – сказал мне как-то знакомый журналист, долгое время живший в Париже, – чтобы это мне тут же кто-нибудь не предложил. Находится человек, который раньше подумал и осуществил твою идею. Выдумка спроса опережается предложением.

Мы не туристы и специально не знакомимся с Парижем: времени у нас на это не было. Как правило, мы миновали Париж транзитом, направляясь в Тулузу, из северного аэропорта Шарль де Голль по кольцу в южный – Орли. В Тулузе, где мы работали, на знакомство с городом оставались редкие вечерние и утренние часы. Знакомство с Францией у нас выходило как бы на лету, но острота впечатлений от этого только возрастала.

В первый рабочий день мы не могли, разумеется, истратить все время обеда на обед, а потому, наскоро перекусив в кафе самообслуживания, отправились на «свидание с Парижем».

Итак, мы начали со ступенек КНЕСа перед плато Бобур. Еще недавно я видел такое фото: на этих ступенях «семеро смелых» – кандидаты в космонавты. Некоторым из них работать и встречаться с нами. Например, Клоди Деэ – специалисту по космической медицине, родившейся в год запуска первого спутника; с летчиками Мишелем Тонини и Жаном-Пьером Эньере, с Мишелем Визо. И вот мы сами стоим на этом самом месте и смотрим на Бобур.

Через улочку на здании, где расположено кафе «Produits de mer», мемориальная доска с именем Мольера. Соседство кажется символичным, как и многое, если искать символику (еще бы реформатор театра соседствует с первопроходцами техники). Но оставим это неблагодарное занятие и просто пройдемся вокруг здания КНЕСа.

Возможны разные маршруты. Можно подняться на соседнее здание Национального центра искусств и культуры имени Жоржа Помпиду. Его называют и «химическим заводом», потому что из него вынесены вне не только трубы, но и опорные конструкции, напоминающие вспомогательные эстакады и строительные леса, между которыми по прозрачным наклонным пеналам-жёлобам движутся эскалаторы.

В нижнем огромном зале с потолка свисает масса металлических «сосулк» – отражающих стержней. Они рожают необычное впечатление. Словно облако поднялось к потолку и сверкает нитями непрерывного золотого дождя. Вид его, блеск, мерцание зависят от места и взгляда, и каждый последующий шаг меняет картину. Облако словно живое, и каждый видит его по-своему. В здании Центра публичная и детская библиотеки, выставка промышленного творчества, Национальный центр нового искусства, выставляется Матисс, работают кино, видео-, театральные и концертные залы. В день, когда мы были там, в одном из залов шли дебаты о современном городе, ретроспективно показывались фильмы Бразилии, в зале

Гершвина звучала музыка Чайковского, а в Большом концертном зале Центра – музыка Вебера и Дебюсси.

Мы поднялись наверх и с верхнего этажа оглядели море парижских крыш, а внизу, на крохотной площади Стравинского, в плотном кругу зрителей выступали самодеятельные циркачи. Их выступление напоминало цирк начала века: они метали друг другу в грудь острозаточенные дротики. Позже в один из Дней музыки, когда в Париж съезжается музыкальный мир и тысячи оркестров играют на перекрестках и площадях, мы стояли возле Центра Помпиду, на этой самой площади в праздничной толпе. Слева огромные окна полыхали малиновым закатом, а перед нами на временном помосте выступал расчудесный диксиленд в белых костюмах и шляпах-канотье.

Впрочем от КНЕСа можно пойти иначе: мимо сумеречного с этой стороны «Самаритэн» и по Новому мосту в сердце Парижа, на Иль-дела-Ситэ.

Ситэ с правым берегом соединяют четыре моста, и еще один мост ведет к нему через остров Святого Людовика. Остров Ситэ принято сравнивать с корабликом на якоре посреди реки. Этим корабликом присутствует он и в гербе Парижа. Но на открытке, купленной мной на набережной у букинистов, он виден с высоты птичьего полета со стороны острова Сен-Луи и отчетливо похож на плывущего на боку дельфина.

Всюду пишется, что букинисты Сены – дошлые старухи и старики. Мне же с лотка-баула на набережной Лувра продавала открытки милая девчущка, и на одной из этих открыток «дельфин» – Ситэ, а Сен-Луи тянется за ним на буксире.

Чаще мы входили на остров по мосту Менял. Миновав Гревскую площадь, именуемую ныне «Отель де Виль» (да, ту самую, на которой прежде рубили головы), вы входите на мост. Перед вами справа серые башни Консьержери. Толстая башня Болтунов, плоские трубы на неповторимых – воронками – крышах. Здесь во времена Великой французской революции перед смертью томились Мария-Антуанетта, Шарлотта Корде, Андре Шенье, противники Дантона и Робеспьера и сами они. Башни, за ними чудо готического искусства – часовня Сент-Шапель.

Если, сократив расстояние, двинуться не к часовне, а влево, то по пути к Нотр-Дам очутишься на небольшом птичьем рынке. Впервые заслышав крик петуха в центре Парижа, я был поражен – наваждение да и только – орущий гальский петух. На набережной правого берега Сены торговали клетками и птичьим кормом, а здесь, на Ситэ, в двух шагах от Нотр-Дам, продавали клеточных и певчих птиц. И вертелись попугайчики нежной неуловимо-переходной окраски и грубо раскрашенные ара, а в центре рынка, на клетке, над толчеей возвышался огромный серый петух. Он время от времени взмахивал гребнем и громко орал на все ситэвские окрестности. Полюбовавшись и продавцами и живностью, делаем несколько десятков шагов, и вот перед нами открылся Нотр-Дам, такой известный и знакомый.

В нём Генрих IV служил свою первую обедню; здесь было произнесено надгробное слово великому Конде; Наполеон был коронован в знаменитом соборе. Проектанты его не безымянны. Идея создания нового собора пришла в голову Морису де Сюлли. Сын бедной сборщицы хвороста из Сюлли на Луаре, человек чрезвычайно тщеславный, он совершил головокружительную карьеру. Выбранный в 1160 году епископом Парижа, Сюлли задумал подарить парижанам невиданный собор. Объединив прежние церкви острова, он превратил их в клирос собора Нотр-Дам. Сюлли скончался в 1196 году, чуть-чуть не дожив до завершения строительства.

В тот первый раз мы очень спешили к собору, договорившись там встретиться. Мы быстро шли, рискуя опоздать и вызвать руководящий гнев на свою голову. Торопливо группой мы миновали мост Менял, свернули налево, и еще раз – и перед нами открылся Нотр-Дам.

Паола Волкова, читая нам лекции во ВГИКе², утверждала, что башни соборов в свое время не достраивали. Не важно, мол, где обрывается дорога к Богу. Смотрю на собор и не вижу этого. Скорее это плоды современного мифотворчества. Что в основе его? Должно быть, какой-нибудь факт, но с долей романтики, фантазерства, желания преукрасить жизнь.

Перед собором пестрая разноязычная толпа – на каменных скамьях, окружающих соборную площадь, на бордюре газона, а одна пара, по-турецки усевшись прямо на траве, застыла в затяжном поцелуе.

В центре площади куражился человек в черном трико, изображая то монстра, то Квазимодо. Ко мне он бросился с огромной расческой, и я от него убирался, как мог. На плитах площади валялся его реквизит. Перед собором с лотка – повозки с впряженным осликом продавали сувениры. Мы подошли к исходной точке – центру Парижа и, наступив на вмурованный в камень металлический «пяточок» его обозначения, сфотографировались на память.

Я побывал в этом месте Парижа через девять месяцев. Стояла ранняя весна. Перед входом в собор выстроились школьники. Примерно наши пятиклашки, они стояли шеренгой в куртках желтого цвета, а над ними на соборной стене тоже шеренгой выстроился каменный ряд святых, с высоты своего положения смотрящих вниз. Что они видели? Ужас осады во время религиозных войн; погром в ночь святого Варфоломея; мертвое поле при отступлении гитлеровцев...

Если взглянуть на собор не с фасада, а обойдя с тыльной стороны, то ребра-пилоны напомнят плывущую галеру в момент, когда весла гребцов опущены. Внешние контрфорсы, разгрузив несущие стены, позволили украсить их гигантскими витражами.

В воскресенье в соборе была особая месса: вместе с кардиналом выступил генеральный секретарь ООН Перес де Куэльер. Два черных лимузина скромно подкатили к входу собора, а следом и мы вместе с другими вступили через высокие двери в соборную полутьму. Сбоку дохнуло жаром пламя тонких тесно установленных свечей. Перед ними молилась молодая женщина, скорее девушка, в черном, коленопреклоненная на специальной подставке. Лицо её выражало мольбу, недоумение, должно быть недавно она испытала первое потрясение в жизни, и молитва ей помогала его пережить.

² ВГИК – Всесоюзный государственный институт кинематографии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.